

ПАМЯТИ Н. К. ЧЕРКАСОВА

ЕГО НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ

СВЕРШИЛАСЬ большая, роковая несправедливость судьбы: не стало Черкасова. Умер один из самых жизнелюбивых людей и актеров на свете, хотя играть ему приходилось нередко трагические и драматические роли.

Правда, счастье киноактера в том, что миллионы зрителей запомнили и запомнят его живым на экране, и если актер талантлив, очень талантлив, — он может стать бессмертным, разумеется, в наших, отведенных нам мерах и сроках...

Лично для меня Черкасов сделал безмерно много: он воплотил в кино, самое дорогое, над чем я трудился несколько лет, будучи еще совсем молодым драматургом. Молодым тогда был и Черкасов — ему было немногим больше тридцати, — и мне сейчас хочется вспомнить именно это время. Работа над «Депутатом Балтики» во многом преобразила и его, и мою жизнь.

...Лето тысяча девятьсот тридцать шестого года. Мы с Черкасовым идем по Ленинграду. Идем с «Ленфильма», прошли Кировский мост, Марсово поле, вышли на Невский. Кто кого провожает — трудно понять: такого накала наш разговор, вернее — монолог моего спутника. Содержание монолога напористо и целеустремленно: Черкасов доказывает мне и себе, что он должен играть Полежаева. Должен, обязан, может, способен! Он доказывает это на все лады, утверждает со всей силой своего темперамента, хотя ему отлично известно, что от меня, начинающего сценариста, ровню ничего не зависит.

Впрочем, Черкасову, наверное, все равно, кто с ним рядом — автор или посторонний человек: такой монолог о своем желании играть Полежаева он произносил не однажды. Убеждал всех, начиная с режиссеров, худрука, директора до помощника осветителя включительно. Он сам потом вспоминал: «Интуитивно почувствовал, что не только могу играть, но обязан это сделать. Я не скрывал своего желания, не дипломатничал — прямо говорил об этом. Казалось, будь я старше, имей я заслуги, я прямо потребовал бы дать мне эту роль. Судом добился бы — лишь бы играть!»

В этих словах нет преувеличе-

ния — только что до суда не дошло. Он доказал свое право на деле, и я восхищенно тогда писал в газете: «Черкасов в своем перевоплощении превзошел и самые смелые, и самые робкие мои надежды...»

Удивительно и другое. Одновременно со съемками в «Депутате Балтики» Черкасов создавал буквально противоположный образ — человека безвольного, слабого, злобного — царевича Алексея в «Петре Первом». Впрочем, поразительную разносторонность таланта Черкасов выказывал на протяжении всей своей театральной и кинематографической жизни. Трудно назвать роли более полярные, чем рассеянный добряк Паганель и... Иван Грозный, неуклюжий и грубоватый Колька Лошак и... благородный рыцарь печального образа!

Но это не все: одного и того же человека Черкасов великолепно умел делать разным. Грусть, радость, гнев, уничтожающий сарказм, сердечная доброта, великодушье — краски могли меняться с каждой секундой емкого кинематографического времени, и зритель верил, что перед ним живой человек, которому ничто человеческое не чуждо.

Я вначале сказал: один из самых жизнелюбивых людей и актеров. Да, это так. Все, кто знал Черкасова дома, в общении с друзьями, хорошо помнят его молниеносно рождавшиеся импровизации. Например, человек играет на бильярде; играет с таким увлечением, что не замечает, как постепенно теряет руки, ноги, — все ему нипочем: он пылко забывает шары. Громовой хохот неизменно сопровождал эти эксцентрические этюды, на которые был так щедр вечно нестареющий душой мастер.

Но и в большом искусстве Черкасов виртуозно владел секретом, делающим героя понятным и дорогим для самых широких народных масс, — юмором. Юмор искрится в каждом слове, поступке, движении многих его отнюдь не комических и не легкомысленных героев. Черкасов не боялся смеха, он знал, что большого художник должен обладать и большим чувством юмора, чтобы людям с ним было легко и свободно. И вот этого оптимиста не стало.

Всегда и во всем он был большим актером. Силой своего таланта Черкасов заставлял жить образы, которым, казалось бы, не хватало дыхания. Даже в искусственный сценический сюжет он привнесло то неповторимо черкасовское, которое зритель узнавал сразу, и радовался, и был благодарен...

Своим замечательным искусством он служил народу, и народ платил ему искренней и горячей любовью. «Н. К. Черкасов — один из тех мастеров нашей культуры, кто видит в своем творчестве гражданское, партийное служение интересам общества, в ком неразрывно слились актер и передовой гражданин своей страны», — эти памятные слова сказаны руководителями партии, правительства, виднейшими деятелями советской культуры. Это выражение любви и уважения к большому советскому художнику.

Спасибо Черкасову! Спасибо за то, что он был, есть и будет с нами всегда — на экране и в нашей памяти. Он щедро, с полной отдачей прожил свою жизнь в искусстве. Такое не забывается.

Леонид РАХМАНОВ

СОВЕТСКИЙ театр понес невосполнимую утрату. От нас ушел навсегда Николай Константинович Черкасов.

Он был не только великолепным актером, но и настоящим человеком, гражданином, мужественно служившим своей Родине. Партия и правительство, а следовательно, и весь советский народ, высоко оценили его труд.

Тяжело на душе. Как странно — кажется, что привык его всю жизнь видеть рядом. А ведь он — лениградец, я — москвич. Вместе в театре не работали. В кино вместе снимались в одной картине «Горячие денечки», да и то уже тридцать лет прошло. Он играл вполне штатского человека, я — военного, даже съемочные дни редко совпадали. Тем не менее он всегда был для меня (уверен, что и для моих коллег тоже) по-настоящему близким человеком.

ВСЕ ОСТАЕТСЯ ЛЮДЯМ

Роль академика Дронова на сцене Академического театра имени Пушкина и в фильме «Все остается людям» — последняя работа Черкасова. «Все остается людям», — сказал он, словно прощаясь. И Черкасов оставил людям свое замечательное творчество. Товарищам по профессии завещал беззаветную преданность своему делу, чрезвычайно внимательное, поистине скрупулезное отношение к каждой, даже самой небольшой работе.

В анналах истории советского театра его имя займет достойное место. Как трудно, невозможно сказать: «Он был»...

А. ГРИБОВ,
народный артист СССР

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
Г. МОСКВА

17 СЕН 1966